

О ПРОЗЕ АНАТОЛИЯ ЛОМОВА

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 июля 2018 г.

Аннотация: в статье анализируется проза профессора Воронежского государственного университета А. М. Ломова (1935—2018), хорошо известного отечественным и зарубежным читателям трудами по теории русской грамматики, древнерусской литературе. Выявляется специфика творческих стратегий, реализованных в художественных произведениях А. М. Ломова, увидевших свет в 2014—2018 годах. Исследуются аксиологические векторы повествования, метафизическая проблематика, соотношение трагического и комического в опубликованных рассказах.

Ключевые слова: проза А. М. Ломова, художественный текст, творческие стратегии, аксиологическая проблематика.

Abstract: the article analyzes the prose by Professor of Voronezh State University A. M. Lomov (1935—2018), well-known to domestic and foreign readers works on the theory of Russian grammar, ancient literature. Specifics of creative strategies employed in works of art, published in the years 2014—2018. Axiological vectors of the narrative, metaphysical problems, correlation of the tragic and the comic in the published stories are investigated.

Keywords: prose by A. M. Lomov, literary text, creative strategies, axiological problems.

Анатолий Михайлович Ломов удивлялся, когда у него спрашивали, почему к названию сборника прозы, вышедшего в 2018 году, добавлен подзаголовок «Из записок старого профессора» [4, 1].

— Разве не понятно? Надеюсь, появится ещё одна книга, если эта сложилась «из записок»...

Он выпустил четыре сборника: «Сельские были. Невыдуманные истории» (2014), «Такая печальная, долгая жизнь» (2014), «Тени прошлого» (2015), «Провинциальные будни. Из записок старого профессора» (2018). Хорошо помню его слова: «Нужно дожить, чтобы сделать все, что задумано!..»

В одном из рассказов А. М. Ломов цитирует слова Демокрита о правде, известные ещё древнерусским книжникам по переводам: «Слишком приблизишься — обожжёшься, слишком отдалиться — замёрзнешь» [4, 41]. Но выбирает своё: писать честно, только о доподлинно известном! Таким было важнейшее условие работы. Уже в «Сельских былях» обозначен этот императив его творческих стратегий. «Спешу предупредить читателя: как ни разнятся эти записки по форме и содержанию, их объединяет общая черта. Они не выдумка досужего сочинителя, они — чистая правда!» [1, 6].

Свидетельства, приведённые рассказчиком, в течение долгих десятилетий опасно было доверять не только собеседнику, но и листу бумаги. Отдельные истории, подсказанные людьми простого звания, в официальной интерпретации оценивались совсем иначе. Так, надпись «Погиб от рук врага народа» [2,

36], едва различимая на «похилившемся» памятнике со звездой в деревенской глуши, скрывает подлинное обстоятельство смерти любвеобильного председателя одного из сельских советов: он был застрелен будёновцем, приехавшим защитить свою семью от его притеснений, а не «врагом советской власти». Другая подцензурная история: университетский преподаватель в зале областного управления НКВД выступает с лекцией о трудах Иосифа Виссарионовича Сталина по вопросам языкознания и теряется, не зная, что ответить на привычный для этого здания вопрос «А кого и когда брать будем?» [4, 111], в связи с гениальным развитием марксистского учения («Лекция»). Или — в те же «глухие времена» — мужики из воронежской деревни Мосоловка рассказывают друг другу, как жили и работали «до колхоза», сколько пудов собирали со своего надела в неурожайные годы. И получается, что все сравнения — не в пользу «большевистской яви», сделавшей из крепкого хозяина изгоя («Не для чужого уха»).

Ушедшая эпоха, как теперь говорят, в народном сознании оценивалась неоднозначно. Но будущий учёный хорошо запомнил мартовский день 1953 года, когда ему, десятикласснику, директор школы вручил лист с текстом «выступления на траурном митинге от лица молодёжи района» [3, 28]. С машинописными страничками к трибуне выходили и представители «трудового крестьянства», «интеллигенции», «рабочего класса». Толпа слушала и молчала, многие плакали. А через неделю у скульптуры вождя, стоявшей в центре небольшого

города, кто-то отпилел голову. Все попытки, в том числе анекдотичные, восстановить памятник (или приставить к нему голову Фрунзе) не имели успеха. До XX съезда неизвестный «злоумышленник» упорно «укорачивал» бетонный монумент («Отец народов — без головы»).

Смешное в прозе Анатолия Ломова соседствует с грустным. Истории, рождённые благодарной памятью, — с сюжетами весьма и весьма печальными.

Когда мы разговорились о том, как родился замысел рассказать о былом времени, высвечивая порождённые им трагические и смешные события, Анатолий Михайлович проронил как давно обдуманное и решённое: «Смех тогда воспринимался не только как средство против страха, но и как спасение. Сама наша российская неустроенность смешна, но и катастрофична. Если вдуматься, ничего подобного из того, что произошло с героями рассказа «Последний огурец уходящего лета», не могло случиться в какой-нибудь швейцарской или австрийской деревушке...»

«После смерти Сталина жизнь стала налаживаться» [2, 49]. Под этими словами из трагического рассказа «Отец и сын» могли бы подписаться многие герои Анатолия Ломова. Но внутренняя ущербность жизни — жёстко ли она регламентирована или совсем безалаберна — вызывает и смех, и слёзы в самые разные времена. Занятен, к примеру, сюжет о сельском учителе, приехавшем навестить дочку-студентку. Подвыпив, он решил развеселить мрачного прохожего, направив на него указательный палец и крикнув «Пу!», изображая пистолет. Но «попал в переплёт»: оказалось, что прохожий служил в Центральном Комитете партии, приехал в областной город на совещание. Охрана скрутила подозрительного «сельского интеллигента» и препроводила в КПЗ (камеру предварительного заключения).

«В какую это было эпоху?» — задаётся читателю вопрос уже в названии рассказа. И нет у нас ответа...

Показательна и миниатюра «Опасная аналогия перестала быть опасной», позволяющая увидеть, с каким постоянством повторялись оторванные от жизни пропагандистские «манипуляции» властей. На исходе правления Хрущёва в воронежском кинотеатре появился фильм «Каин XVIII», вызывавший недвусмысленные аллюзии-параллели с Никитой Сергеевичем, украсившим себя несколькими медалями «Золотая Звезда»). Вскоре фильм убрали из проката. И «со здания обкома партии исчезла огненная шапка, славящая КПСС» [3, 158]. Но во времена «одряхлевшего Брежнева» «опасная аналогия» вновь стала актуальной: представление «Да здравствую я!» возобновилось.

...Проработав несколько лет в районной газете, А. Ломов приводит нелепые цензурные запреты (рассказ «Цензурные табу»). Не принимает «мёртвых слов», фраз, написанных по трафарету. В его прозе травестируется узнаваемый «словник» ушедшей эпо-

хи. Канцелярские и публицистические выражения получают трактовку в сугубо бытовом, а не в символическом измерении: «с подлинным верно» (только этому отпечатку печати на теле неверной жены верит вернувшийся с учёбы председатель колхоза); «Верной дорогой идёте, товарищи!» (на плакате с этим лозунгом рука Н. Хрущёва указывает на бутылку водки, выставленную в витрине воронежского гастронома); «Великая сила любви» (автор «вздорных анонимок», разоблачённый в газетном фельетоне, не знает, что сказать любимой жене).

Выбор повествовательной позиции, выставившей в нелепом свете дискурс ушедшей эпохи, для А. Ломова был осознанным. Слово, освобождённое от смысловых искажений, от прилипшей к нему идеологической лжи и (или) бытовой пошлости, по мнению прозаика, много лет изучавшего историю и структуру русского языка, — это великое благо для каждого, кто ищет правды, точности восприятия, «различий между плохим и хорошим». Он не уставал повторять, что исковерканная небрежением родная речь — «верный признак того, что люди стоят перед пропастью, название которой — душевное расстройство» [4, 77].

...Напомню о существенном: автобиографический герой А. Ломова родился в русской глубинке, жил в доме, построенном дедом-мельником, разборчивым книголюбом. Свежий, хорошо испечённый хлеб и хорошая, мудрая книга, сосуществуя почти на равных правах, почитались в его семье как часть самой жизни. Очевидно, поэтому рассказ «В деревне хлебы больше не пекут» завершается таким признанием: «Когда я сажусь за обеденный стол, то порой вижу колышущееся море золотой ржи, слышу льющуюся над этим морем откуда-то с поднебесья торжествующую песнь жаворонка. И как заключительный аккорд её всплывают в моей памяти слова страстной мольбы людей, обращённой к Богу: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» [4, 41].

Он всегда помнил о своих крестьянских корнях, о полученных в детстве уроках народной этики. В рассказах «Угасшие мечты», «Громовой колодец», «Старый Толкачик», «Старые иконы», «В деревне хлебы больше не пекут» откликаются традиции «деревенской прозы».

Полагаю, что притягательная сила произведений А. Ломова состоит в отстаивании когда-то отринутых государством, но всегда значимых и спасительных ценностных смыслов. Многие его миниатюры посвящены урокам взаимовыручки, доброты, душевной отзывчивости. «Божественный» вкус каши-сливухи, запомнившийся с августа 1941 года, первая рыбалка с отцом, вернувшимся израненным с фронта, котёнок, выкормленный в послевоенный голодный год, бабушкины слова о «непрощённом грехе сквернословия», самодельная тетрадь «Для личных потребностей» с записью о любви к роди-

телям, некорыстный дом, достроенный благодаря милосердию, и другие яркие впечатления, полученные в детстве и юности, сберегаются в памяти рассказчика как «первичные ценности», не подверженные девальвации и забвению.

Их значение для духовного взросления героя — и сверхличностный этический смысл — со всей очевидностью выявляются в весомер для прозаика аксиологическом измерении, на встрече прошлого и настоящего, тех самых «перекрёстках жизни», где даже немногочисленные детские прегрешения подобны разбуженному «гудящему рою», не оставляющему рассказчика в покое.

Страницы книг Ломова наполнены ощущением «неисповедимости человеческих судеб» [4, 92]. В рассказе «Позарастали стежки-дорожки» обычная поездка к бабушке и бабушке на второй день праздника Победы запомнилась известием о кончине «деревенской дурочки» Ньюши. Эта смерть совпала с известием о гибели Ильи, когда-то ставшего причиной помешательства этой девушки. Свадьба, назначенная на Троицу, давно расстроилась; опасаясь мести односельчан, жених уехал в город, там обручился. И Ньюша, стройная голубоглазая красавица, певшая в церковном хоре, помугилась рассудком, потеряв интерес к жизни, перестала говорить. И неделю тому назад, никому не досаждая, тихо скончалась. Эта новость совпала с доставленной в деревню похоронкой на Илью, погибшего под Берлином в последние дни Великой Отечественной.

Деревенский мальчик, ставший свидетелем этой истории, верит, что человеческие судьбы подчинены небесному закону, восстанавливающему справедливость. И с высоты прожитых лет рассказчик, не растерявший «детскости» впечатлений, предлагает читателю задуматься об особом смысле тех памятных событий: «Выходило, что Ньюша и Илья покинули этот мир почти одновременно, чтобы вскоре встретиться, как мне думалось тогда, где-то там, на райских полях» [4, 58].

В предпринятом «паломничестве» на временные перекрёстки, где «встречаются прошлое и настоящее», возникают параллели между событиями, далеко отстоящими друг от друга. В рассказе «На выемке домодельного вина» рейд сельской милиции (с участием редактора районной газеты), организованный в 1960-е годы против самогонварения, напоминает розыск самодельного «вина», учинённый воронежским воеводой во второй половине XVII века (уцелевшие документы профессор-филолог изучал, работая в государственном архиве). И в старину, и три века спустя у крестьян ничего изъято не было, в отчётах значилось одно и то же: напитки делались исключительно «для себя, не на продажу», а на свадьбу, поминки, строительные нужды: денег на казённую водку у мужиков не было и при царе, и при коммунистах.

Ироничный и мудрый взгляд Анатолия Ломова на мир лишён навязчивой дидактики. В работе, любви, веселье и печали его герои, как правило, живут мирскими заботами. Трогательен, грустен и мудр рассказ «Дигарка» об ушедшей в мир иной тётке Дуне. Невысокая, худенькая сестра отца пережила много бед и лишений: непосильный труд, коллективизацию, злые наветы, послевоенную разруху, многолетнее прозябание в городском бараке, социальную несправедливость, — но не оставляла без любви и внимания детей и близких, как могла пыталась скрепить надорванные связи между людьми. Не стало маленькой «дигарки» (так звали её в детстве) — и семья пошатнулась, разбрелась, не помня родства.

Автобиографический герой А. Ломова принадлежит поколению, перенявшему у фронтовиков достойный обычай «К обидам горьким собственной персоны не призывать участия добрых душ» (А. Твардовский). Но этот обычай не отменял интереса к судьбам «друзей детства» или коллег по профессии. Особенно внимателен прозаик к людям, в неблагоприятных обстоятельствах продолжавшим жить в согласии с собой, не считаясь с предубеждениями, инстинктами, не достойными человека. Важный мотив его прозы задаёт мысль о том, что природный творческий дар — это высокое предназначение, подобное гражданскому служению, исполнять которое необходимо, забыв о славе, «карьерном росте», сытом существовании. Светлой и тёплой грустью интонировано повествование о тех, кто в глухие годы не лгал, не трусил, не ловчил, но не всегда успевал совершить все, что задумывалось.

История об Игоре Павловиче Распопове, выдающемся учёном-филологе, честно исполнявшем профессиональный долг в «обессоленные» годы, — одна из самых пронзительных в корпусе произведений Ломова: «Его любили не только за талант, но ещё и за остроумие, за то, что он находил для всякого собеседника что-то приятное» и объяснял это по-своему: «Мы все в России ходим трудными дорогами, и доброе слово никому не помешает» [2, 146] («Не расставайся с надеждой, полковник!»).

В лучах благодарной памяти рассказчика предстаёт и Василий Иванович Дубровский, прекрасный хирург, спасший от смерти сотни людей. По воле обстоятельств он работал в районной больнице и потому не был прославлен в официальном ряду светил советской медицины. Но память об этом легендарном человеке жива.

С иных позиций ведётся повествование о П. Г. Богатыреве («Запуганный профессор»). Блестящий переводчик «Бравого солдата Швейка», фольклорист, теоретик искусства, он поражал студентов широтой эрудиции, увлечённо читал лекции, плакал и смеялся за кафедрой, но, опасаясь репрессий, отказал себе в праве выступать в научных изданиях с новыми яркими идеями, обходясь пересказами, цитатами

и ссылками. Став аспирантом, его бывший студент открывает эти обстоятельства научной биографии профессора с горечью и разочарованием.

В рассказе «Что криво начнется...» — ещё одна печальная судьба. Подававший большие надежды герой разменял свой талант на ничтожные, надуманные, зато хорошо оплаченные проекты и завершил свой век в полном забвении.

Проводя аналогии между временами, А. Ломов обращается к разнообразным литературным и фольклорным образам. Цитаты из Омара Хайяма, Сумарокова, Пушкина, Гоголя, Тютчева, Тургенева, Чехова, Куприна, Брюсова, Бунина, Северянина, Заболоцкого, Паустовского, Окуджавы, а также студенческий и городской фольклор, как правило, востребованы там, где речь заходит об опасном для общества времени, в котором преуспевали ловкачи и демагоги, а философы, мудрецы и вольнодумцы безуспешно добивались справедливости. Явно не случайно в рассказах «На опасных расстояниях от правды», «Протопоп Аввакум на студенческих посиделках», «Чижик-пыжик, где ты был?» камнем преткновения являются общественные науки.

И наоборот: такая знакомая и мучительная для русской интеллигенции «тоска по мировой культуре» обсуждается героями «на полях» официальной жизни — в курилке, в больнице, подальше от активистов.

*Воронежский государственный университет
Алейников О. Ю., доцент кафедры русской литературы
XX и XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*

Конечно же, в прозе Анатолия Михайловича Ломова осуществлён замысел более значительный, чем публикация сделанных когда-то «записей о мало-мальски важных событиях» («или цепочки событий»), показавшихся рассказчику занятыми. Жизнь провинции предстаёт на страницах его книг как феномен самосознания автобиографического героя, рождённого в «пору глухую», но — наперекор известным словам — помнящего и «свой путь», и сложные «перекрёстки жизни», выпавшие ему и современникам на пространствах «глубинной России».

Он много успел сделать, этот незаурядный человек. Писал честно, с полной самоотдачей, до зарубок на сердце. Рукопись новой книги, открытая на недописанной странице, осталась пронзительным напоминанием о последних днях его жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломов А. М. Сельские были. Невыдуманные истории / А. М. Ломов. — Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2014. — 82 с.
2. Ломов А. Такая печальная, долгая жизнь / А. Ломов. — Воронеж: Издатель О. Ю. Алейников, 2014. — 186 с.
3. Ломов А. М. Тени прошлого / А. М. Ломов. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. — 275 с.
4. Ломов А. М. Провинциальные будни. Из записок старого профессора / А. М. Ломов. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2018. — 176 с.

*Voronezh State University
Aleinikov O. U., Chair of Russian literature of the XX and XXI
centuries, the theory of the literature and folklore.
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*